

Чехён со странным выражением лица посмотрел вниз на Сану, занятого восстановлением дыхания. Сердце билось, и без причины возникло желание позвать Сану. Причём не как обычно, с фамилией, а ласково – Сану-я. Чехён, проглатывая слова, которые вот-вот тук вырвутся, похлопал по круглым ягодицам Сану.

— Поднимись.

Когда Сану поднял верхнюю часть тела, рука Чехёна проникла между подмышками Сану. Тело, уже вяло размякшее, легко притянулось, даже без больших усилий со стороны Чехёна. Чехён, посадив Сану на свои колени, приложил свои губы к мягким губам Сану. Забыл даже факт, что только что этот рот держал член. Когда языком обвёл соприкоснувшиеся губы, между губами образовалась щель. Прекрасно зная, чего ожидает Сану, Чехён немного покапризничал и, игнорируя эту щель, прижал губы к шее Сану.

— Хаа...

Тихо вырвавшийся возглас Сану всколыхнул сердце Чехёна. Когда приложил силу к руке, скользнувшей от подмышки к талии, и прижал тело, ноги Сану, раскрытые в стороны, зашелестели на одеяле, издавая звук. Определённо на душе было торопливо, но странным образом хотелось медленно уделить внимание. Совершенно иной настрой по сравнению с прошлой неделей, когда был полон духа экспериментов и вызовов.

Рука, которая легко поглаживала талию Сану, опустилась ещё ниже и нащупала дырку, влажную от геля. Сану, сильно напрягшись от указательных пальцев обеих рук, легко проникающих внутрь, вплотную прильнул к Чехёну. Благодаря этому два полностью эрегированных члена столкнулись, словно соревнуясь, кто встал твёрже. Хорошо бы уже засунули. Чехён, который только исподтишка трётся членом, похоже, собирается делать вид, что не знает сердца Сану. Даже после того, как услышал его слова, умоляющие засунуть.

— Чувствуешь, как здесь полностью расслабилось и сильно раскрывается?

Сану, который раздумывал, не укусить ли голову, которую крепко обнял, замер на вопрос Чехёна.

— Плохо чувствуешь? Настолько, что, кажется, и палец, и член вместе смогут войти.

Конечно, это была ложь. Дырка Сану туго обхватывала даже пальцы. Вероятно, эта упругая дырка и сегодня с трудом будет есть один член Чехёна. Но Сану, не знающий, какая у него дырка, невольно напряг низ и сжал.

— Ах... расслабь. Расслабься, тогда засуну.

Из-за входа, который мгновенно сжалось, Чехён почувствовал покалывание от того, что в пальце не циркулирует кровь.

— Хыит, президент... страшно...

Сану, лбом о плечо Чехёна, ещё сильнее сжал руки, обёрнутые вокруг шеи. Что делать, если из-за этого сфинктер не сможет выполнять свою функцию? Только-только исполнилось двадцать, а что, если придётся всю оставшуюся жизнь ходить в подгузниках? В ухо Сану послышался звук, будто воздух просачивается. Сейчас смеётся, что это не его тело? Сану вместо головы Чехёна, которую не укусил раньше, поставил зубы на шею, где пульсирует пульс. В тот момент сладкий запах остро распространился.

— Капризничаешь же.

Укусил же, чтобы было больно? Когда кусают, надо, чтобы было больно, почему радуется больше? Чехён медленно перевернул Сану на бок и уложил. До этого момента пальцы, засунутые в тело Сану, со звуком вышли. Чехён схватил гель, который как попало бросил на кровать, и выдавил на ладонь. Чехён, несколько раз проведя рукой по члену, на котором вздулись даже вены, поднялся над Сану. Каждый раз, когда Сану дышал, плоская грудь поднималась и опускалась, и сквозь полуоткрытые губы просачивался сладкий воздух.

Потираясь членом, влажным от геля, о дырку Сану, Чехён прижал губы ко лбу Сану.

— Сегодня буду медленно.

Хоть и не могу гарантировать. Кончик головки Чехёна медленно раскрывал плотно закрытый нижний рот Сану.

— Хаак...

Настолько медленно раскрывал, что Сану чувствовал каждое движение мышц, которые постепенно, понемногу раскрывались. В отличие от медлительного движения Чехёна, сердце Сану, испугавшегося непривычного ощущения, начало быстро биться. Это точно заботишься обо мне? Не пытаешься ли сделать так, чтобы, дрожа от страха, умер от сердечного приступа, прежде чем всё войдёт? Лучше бы, как в прошлый раз, воткнул, хоть и больно, но зато без сознания!

Следуя форме кончика головки, которая округло расширяется, вход Сану постепенно расширялся. Благодаря гелю, который вылил Чехён, не было так больно, как в прошлый раз, но было страшно, что бесконечно раскрывающаяся дырка может что-то повредить, и Сану, махая руками, вцепился в тело Чехёна. Чехён тоже крепко обнял спину Сану. Из-за безжалостно сжимающей дырки и скользкого геля, если хоть немного расслабиться, казалось, сразу вытолкнет назад.

— Ык, хыт...

Голос, звучащий в ухе Чехёна, казалось, что-то с трудом терпит.

— Больно?

Не имея сил ответить, Сану только покачал головой. Просто засуньте! Кхvak! Почему эти слова не выходят изо рта, Сану и сам расстраивался на себя. Стоило открыть рот, чтобы что-то сказать, как просачивались только звуки, стыдные даже самому себе.

Всё в порядке? Вроде бы осторожно обнимаю. Чехён без особых мыслей постоянно засовывал член в дырку. Когда дошёл до самой толстой части головки, из-за Сану, который изо всех сил напрягся и дрожал, дальнейшее проникновение стало трудным. В прошлый раз тоже здесь сдался и просто силой воткнул. Чехён собирался сегодня обнять Сану медленно, нежно, поэтому остановил движение и, поглаживая поясницу, покрытую холодным потом, успокоил Сану.

Нет, пожалуйста, просто вставьте уже. Сану было так, что хотелось умолять, если бы только слова правильно выходили. Сегодня, что ли, решил изменить способ мучений – оставил дырку в полностью раскрытом состоянии. Чехён прислушался к бормотанию Сану, который что-то бубнил прямо в ухо, словно заклинание.

— Пожалуйста... вставь... хыт! Аы... хоть...

— Что?

Бесконечный шёпот прямо в ухо был до жути жутким, от него пробирала дрожь. Такие звуки где-то уже слышал. То ли мама-призрак из "Истории призраков", то ли ребёнок-призрак из "Проклятия".

Сану, словно решившись, с трудом поднял ноги, в которых толком не было сил, и обхватил ими талию Чехёна. А затем изо всех сил потянул к своему телу и выкрикнул:

— Хоть... вставь...! Ааааах!

Попытка была отважной, но результат оказался не из лучших. Как-никак самая толстая часть вошла с щелчком, но резко сжавшаяся дырка безжалостно сдавила место между головкой и стволом члена Чехёна. Из-за неожиданно сильного раздражения из кончика члена Чехёна порывами хлынула горячая сперма.

— Кхык...

Содрогаясь от наслаждения эякуляции, Чехён всё равно не мог не почувствовать, как падает в бездну. Из-за питательных веществ, которые внезапно ворвались в тело, у Сану тоже сразу помутилось в голове.

— Этот извращенец...

Чехён стиснул зубы и выругался. Моё чистое сердце, которое хотело быть нежным, так растоптал!? Вместе с гневом на Чехёна нахлынуло унижение от того, что кончил так быстро, словно страдает преждевременной эякуляцией. Чехён поднял торс, чтобы хотя бы обругаться как следует, и прищурил глаза. Что это ещё такое.

— Ахыы...

Сану, который всё ещё лежал растянувшись на кровати с членом, вставленным в дырку, тихо застонал. Неизвестно, когда вообще успел кончить, но на животе Сану скопилось множество белой спермы. С полностью помутившимися глазами Сану помахал руками и притянул Чехёна.

— Хаа, хорошо... ещё... ещё вставьте...

Из-за Сану, который безумно тёрся губами обо всё, до чего дотягивался - шею Чехёна, щёку, - настроение Чехёна немного улучшилось. В любом случае, что верхний рот, что нижний - от спермы теряет голову. Чехён медленно вставил член, эрекция которого ещё не полностью спала. Опьянённый спермой, которая впитывалась прямо во внутренности, Сану не только не чувствовал боли, но и принимал член, ощущая наслаждение, заполняющее живот. Когда член Чехёна, медленно прокладывая путь, воткнулся до конца, Сану снова пролил остатки спермы струйкой.

Внутри тела Сану член Чехёна снова начал набухать. Постепенно твердеющий ствол, увеличиваясь в размерах, раздвигал внутренности Сану, и простата, которой раньше поигрывали пальцы Чехёна, начала сама по себе плотно сдавливать. Чехён обнял спину Сану и поднялся. Член, который и так был вставлен до конца, из-за веса Сану воткнулся ещё глубже.

Обнимая Сану, Чехён, шагая с громким стуком к гордости этого дома - панорамному окну,

думал: Что? Медленно? Нежно? В тот момент, когда Сану самовольно двинулся, все эти сладкие планы превратились в пыль и развеялись.

Это ведь не силой хвастаться во время секса. Зачем без толку поднимать меня и ходить. Насаженный на идущего Чехёна, Сану всхлипывал: ахык, ахык. Каждый раз, когда Чехён делал шаг, мелкая вибрация ворошила внутренности Сану. Ногти Сану, который крепко вцепился в спину Чехёна, чтобы не упасть, впилась в плечи, но Чехёну было всё равно. В голове Чехёна была лишь непонятная жажда мести: вот погоди.

— Ах...

От холодного холода стекла, коснувшегося спины, Сану съёжился и прижался к Чехёну. Сейчас опустит? Вопреки ожиданиям Сану, Чехён, по-прежнему держа ягодицы Сану в воздухе, вытащил бёдра назад. Член, который медленно выходил, словно представляя раздражение Чехёна, резко воткнулся.

— Ахык!

Чем сильнее Сану цеплялся за Чехёна, тем быстрее становились движения Чехёна. Сперма, залитая в Сану, перемешавшись с гелем, капала на пол каждый раз, когда двигался Чехён. От силы, с которой вставлял изо всех сил, Сану в испуге мог только обвить руками и ногами Чехёна и обнять его. Хоть это район богатых, так что вряд ли, но вдруг окно разобьётся... Сану ещё крепче обнял шею Чехёна.

Как-то не к лицу романтические разговоры, но сейчас, занимаясь с Чехёном сексом так, словно умрёт, и разбившись насмерть, Сану, кажется, был бы не против. Умереть во время секса или умереть от падения - одно и то же. Только страшно было представлять, как своё тело с членом, вставленным в дырку, и разбитой головой выставят на всеобщее обозрение. Ладно мы - получим все удовольствия и умрём, а оставшаяся семья в чём виновата! Как делает вид, что беспокоится о наших родителях, которых даже не видел!

Спина, покрытая потом, скользнула по стеклу, и Сану быстро впился зубами в плечо Чехёна. Руки и ноги делают всё возможное, так пусть и зубы добавят силы.

— ...Фу... не отвлекаешься?

— Хаык, президент...

Сану выдал максимально жалобный голос.

— Что?

Вместе с ответом член Чехёна глубоко вошёл внутрь, и Сану издал плачущий звук.

— Аы, стекло... хыт, стекло ведь не разобьётся...?

Сейчас это главное? Чехён поморщился от абсурдности.

— Разобьётся или не разобьётся - попробуем, узнаем.

— Хыык...!

То есть сам не уверен, что не разобьётся! Сану всхлипывая обнял шею Чехёна. Занят всякой ерундой, это хоть и мило, но то, что из-за этой ерунды секс отходит на второй план, было

неприятно. Чехён плавно вытащил член.

— Хит, ахы...

Словно не желая, чтобы большая масса, заполнявшая тело, выходила, дырка Сану крепко сжала и схватила член Чехёна.

— Снова накормлю, так что расслабься.

Даже услышав, что нужно расслабиться, это было не так просто, как хотелось, и в итоге Сану держал дырку крепко сжатой, пока огромный член Чехёна не вышел с хлопком. Не успел выдохнуть с облегчением от ощущения, что ноги коснулись земли, как тело развернулось. Горячий ствол, который пару раз потёрся о ягоды Сану, без колебаний плавно вошёл.

— Хаак!

С прерывистым стоном тело Сану прислонилось к прозрачному окну. Освободившиеся от веса бедра Чехёна двигались ещё быстрее.

— Ах, ааах! Слишком, хит, слишком быстро!

Страх от того, что тычет глубоко в живот, и наслаждение от простаты, которая разминается каждый раз, когда двигается полностью набухший ствол, смешались внутри тела. Каждый раз, когда двигался Чехён, из кончика члена Сану стекала жидкая сперма. Это было настолько острое, неконтролируемое ощущение, что даже саму эякуляцию было трудно почувствовать.

Рука Сану, упирившаяся в стекло, продолжала скользить, не находя опоры. На окне, соприкасавшемся с горячим жаром, отчётливо отпечатывались следы рук.

— Хыа, президент, ыт! Президент!

Сколько бы Сану ни звал, Чехён даже виду не подавал, что слышит, и только дырку. От бесконечно взрывающегося наслаждения Сану завопил. Из-за того, что тело Сану постоянно скользило, Чехён, который всё больше сгибал ноги, вставляя член, одной рукой, державшей талию, опустил и поднял бедро Сану.

— Ыааа!

Внезапно вынужденный держать вес тела на одной ноге, Сану почувствовал, как оружие, которое разворошивало внутренности, воткнулось до конца. Под давлением силы Чехёна тело Сану полностью прижалось к стеклу. Сплюснутая щека безжалостно прижималась к окну, и соски, которые торчали от издевательств Чехёна, ощущались отчётливо, когда их размазывало по окну.

— Хыык, ааах! По, ах, пожалуйста...! Хак!

<http://bllate.org/book/14976/1505502>